

*Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток...*

А.С. Пушкин

Родители. Лестев Михаил Александрович и Мельникова Елена Ивановна. 1938 год

Пора воспоминаний. Для меня она началась пятнадцать лет назад, когда сестра Людмила Инькова передала мне архив нашего деда, Лестева Александра Николаевича, который не только сохранил все письма послевоенного времени своих детей, из одиннадцати которых до взрослого состояния дожили семь человек, и написал воспоминания о своей жизни, сомневаясь, однако, будет ли их кто-нибудь читать. Я прочитала. Так в 2006 г. появилась моя мемуарная книга «Путешествие по семейному архиву», в которой я собрала все сведения о многочисленном семействе А.Н. Лестева и опубликовала все письма его детей, адресованные родителям. У меня же хранилась рукопись воспоминаний Лауреата Ленинской премии, профессора Марка Семёновича Немцова (1900, Санкт-Петербург – 1997, Ленинград), ровесника века, в лаборатории которого я начала работать после окончания Ленинградского университета. При жизни ему не удалось опубликовать эту книгу, а я к этому времени уже издала свою первую книгу стихов «Аутодафе», «Путешествия...», и дорога в издательство РИО ГПТ и его типографию мне была хорошо знакома. Книгу М.С. Немцова «Воспоминания и размышления химика» я издала в том же 2006 году, сопроводив её послесловием и примечаниями по тексту. Весь тираж моментально разошёлся между сотрудниками институтов, где он работал, Министерства нефтехимической промышленности, проектного института Гипрокаучук, заводов. Несколько лет спустя пришлось издать дополнительный тираж – молодая смена заводчан уже не помнила заслуг этого уникального учёного.

Но ещё до первых книг было желание стать журналисткой, усилившееся в 8-ом – 10-ом классах, когда нам стала преподавать литературу Вера Фёдоровна Бородавкина. Элегантная красивая женщина из семьи потомственных учителей, она рассказывала на уроках много интересного о жизни и творчестве писателей и поэтов, частенько выходя за рамки школьной программы. А мои сочинения на свободную она зачитывала в классе как наиболее интересные,

поощряя тем самым творческую жилку. Но эти устремления были разрушены моим отцом, историком по образованию, который сказал мне, что Борисом Полевым я не буду, а писать из года в год в какой-нибудь сельской газетке с названием «За большевистский урожай» заметки о том, какой колхоз выполнил план, а какой нет, – это весьма скучная жизнь; нужно иметь специальность. Говоря эти слова в 1956 году, он, разумеется, имел в виду совсем другое, хорошо зная состояние журналистики и судьбу многих журналистов того времени.

Выбирать специальность мне пришлось уже без него. Отец умер 30 сентября 1957 года, в год моего окончания школы. Мама уговаривала меня идти поступать в Институт пищевой промышленности, где преподавал отец, с гарантией директора института, что через год он переведёт меня в университет. Но этот вопрос я отказывалась обсуждать – только университет! В нашей весьма средней по уровню учителей 175 школе Смольнинского района были, кроме Веры Фёдоровны, ещё два истинных педагога – математик Афанасий Афанасьевич Пахольчук и химик – Нина Алексеевна Королёва. Поколебавшись между матехом и химфаком, я выбрала химфак и, получив аттестат зрелости с золотыми буквами, – их выдавали позже, так как документы утверждались в горно, – в тот же день отвезла документы в приёмную комиссию Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова.

1958 год. Очередная реформа высшей школы: производственников с двухлетним

стажем принимали практически без конкурса – лишь бы на тройки сдали, золотые медалисты, – кажется, только в этом году – должны были сдавать экзамены по полной программе: все пять экзаменов. Среди школьников был огромный конкурс – проходной балл от 22.5. «24 балла есть 24 балла», – произнёс хорошо поставленным голосом лектора профессор Олег Николаевич Григоров, председатель приёмной комиссии, декан химического факультета. «И золотая медаль», – добавила секретарь.

Началась студенческая жизнь, меня тут же привлекли к работе в культкомиссии: организация вечеров, встреч, самодельность, сценарии капустников, стихи и песни, колхозы осенью и летом, воскресники на стройках.

После университета – отраслевое НИИ – ВНИИНефтехим, командировки от Яремчи – Западная Украина, Киева до Новосибирска, от Кишинёва до Ярославля, от Куйбышева – Тольятти до Волгограда, от Чайковского в Пермской области до Нижнекамска – по Каме.

В это время писала я, помимо научных работ, и диссертации, которую защитила в 28 декабря 1977 года, стихи и даже в соавторстве с двумя моими аспирантами – Лидией Буданцевой и Александром Кирюхиным – тексты трёх мюзиклов: «Котавасия», где «НИХИМУРА» (научный институт мышинных уловок разгадывания; название А. Кирюхина), «Каупуз – 86». В Нефтехиме профкомом был приглашён артист из Театра Комедии, который ставил эти остро сатирические капустники на темы

¹ К.С. Аксаков. Воспоминания.

В год окончания школы в 1958 г.

институтской жизни. Увы, ни на одной премьере побывать не удалось: как назло, время предпраздничных вечеров совпадало с командировкой на какой-нибудь очередной завод, где что-то обязательно пошло не так, присутствовала только на репетициях, там по требованию режиссёра приходилось дописывать какие-то тексты...

В лихие девяностые, чтобы сохранить лабораторию и не умереть всем семейством от голода, пришлось создать свою фирму, я в числе последних сотрудников института вступила на путь частного предпринимательства, правда, по профилю работы. НПО «Маджава». Права пословица: нужда научит пироги есть. Тринадцать лет три месяца и три дня... Годы, выброшенные из жизни, но... во имя жизни. Правда, объективно говоря, они существенно расширили мой круг общения и кругозор, что потом дало много тем и для рассказов, и для публицистики. В начале двухтысячных, задумавшись о «бесцельно прожитых годах», закрыла фир-

му, решив посвятить оставшиеся годы более приятным занятиям. А впечатления от них написала в документальной повести «Роковые девяностые», которую опубликовал в «Авроре» светлой памяти Валерий Васильевич Новичков, (1952–24.09.2014), заменив в названии «роковые» на «лихие».

Вскоре я стала своим человеком в весьма многочисленной редакции и членом редколлегии журнала «Аврора», встречи в различных организациях, презентации журналов, но об «Авроре» напишу отдельно, это целая эпоха.

Абово. Коллега моей университетской подруги – Ирина Глебовна Серебренникова – писала стихи. Каждый день рождения отмечался новым стихотворением Ирины, да и мне приходилось писать датские стихи – поздравительные к праздничным датам. Ирина Серебренникова много лет посещала ЛИТО «Соратники», которое в то время возглавлял А. Михайлов, и регулярно приглашала меня на их заседания. Институт, фир-

ма, дома старушка мама... Времени у меня не было, но однажды удалось выбраться. В начале двухтысячных постоянного места у соратников не было, какое-то время их приютила депутат, по-моему, от партии «Наш дом – Россия», приёмная которой находилась на улице Салтыкова-Щедрина, д. 32. Через зал постоянно сновали какие-то молодые люди с плакатами или без оных, участники встречи читали стихи или фрагменты прозы. Запомнилась Марина Никифорова. Средних лет, полная, плохо одетая женщина начала читать стихи, её голос задрожал, она заплакала. С трудом справилась с волнением и дочитала стихотворение. «Так дрожать?» – удивилась я. Ирина Глебовна пояснила, что Марина читает стихи своего только что умершего мужа – филолога, выпускника ЛГУ Германа Венедиктова. Ближе к концу вечера стихи прочитала яркая блондинка Алла Леванова, которая пригласила всех приходиться в литературную гостиную «Чайка» по воскресеньям в библиотеку им. Чехова на Будапештской ул., д. 11. Вёл эти встречи вместе с ней член СП России Андрей Владимирович Родосский. «Соратники» издавали журнал «Рог Борей» – главред Олег Владимирович Юрков, «чайковцы» – «Сфинкс» – главред – А.В. Родосский.

Через некоторое время от ЛИТО захотелось подняться на ступень выше – познакомиться с деятельностью Союза писателей. О сгоревшем Доме писателей на улице Воинова знали все в Ленинграде, а вот попытка найти адрес и телефон Союза писателей оказалась безуспешной: не было никаких сведений о союзах писателей в толстых справочниках «Весь Петербург», хранила эту тайну и справочная служба 09. И только А.В. Родосский приподнял завесу тайны, сообщив мне, что Союз писателей России находится на Большой Конюшенной улице. И вот однажды, собрав всю свою силу воли в кулак, с внутренним трепетом я пошла в это «стойло Пегаса». Союз писателей находился на пятом этаже, в одноместный лифт без дверей – такие я видела только в Париже в 1977 г. – я не рискнула войти. Поднимаясь, посочувствовала жильцам: лестница была загажена так, будто её не убирали месяцами, на широких подоконниках старого петербургского дома выпивали или отдыхали, заснув, бомжи...

На последнем этаже дверь была приоткрыта. Захожу. Дощатый деревянный пол, двери во все комнаты, кроме одной, были закрыты. Небольшой кабинет, за столом сидел худощавый седой пожилой мужчина. Я поздоровалась, спросила, где можно увидеть Б.А. Орлова, который в то время был председателем СП, впрочем, как и сейчас. А я пришла не с пустыми руками, а с книгой о своей семье, так сказать своей визитной карточкой. Орлова не было, я заинтересовалась у мужчины, – как оказалось впоследствии, это был Анатолий Иванович Белинский, член СПР и директор издательства «Дума», – смогу ли я попросить его передать книгу для Б.А. Он сказал: «Оставьте, передам». Я с улыбкой переспросила его: «Точно передадите? Не забудете?». Он пообещал не забыть и действительно выполнил своё обещание.

Позже оказалось, что я знала его жену, она вела у нас практикум по физической

химии, нашлись и общие знакомые по химическому факультету. Сразу подчеркну, что я отношусь к Анатолию Ивановичу с большим пиететом, и в частности уважаю его за то, что он не бросился в первых рядах сдавать партбилет, а наоборот в те годы возглавлял партийную ячейку петербургского отделения СПР.

Через несколько дней, когда я снова зашла в Союз писателей, в том же коридоре встретила Орлова, представилась ему: «Идите к Скворцову», – кивнул он в сторону последнего кабинета перед закрытой дверью, перегораживавший коридор. В то далёкое время они были соратниками. Постучала, зашла.

Крошечный узкий кабинет, за столом симпатичный мужчина лет сорока пяти, доброжелательный, жизнерадостный, сразу располагающий к себе, очень общительный главный редактор журнала «Невский альманах» – Владимир Степанович Скворцов. В комнате ещё один столик, два стула, шкаф с журналами и книгами, стоят несколько человек, заходят какие-то люди просто поздороваться, получить журнал, отдать текст для публикации, обменяться новостями. Жизнь кипит... Я стала регулярной посетительницей этого клуба любителей «Невского альманаха» и автором журнала. А с Владимиром Степановичем Скворцовым у меня сложились не только творческие, но дружеские отношения.

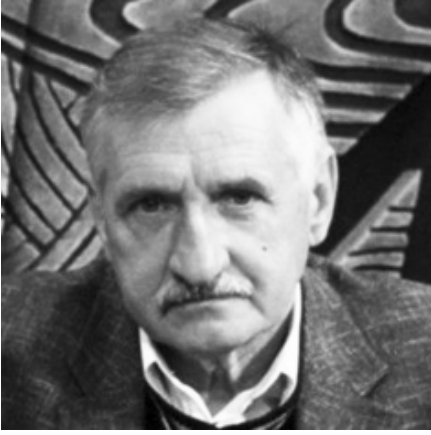
А рядом с «Невским альманахом» происходили события Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. С этого времени я стала регулярно посещать заседания секции поэзии – её вёл Ю. Шестаков, и прозы, которую вёл А. Скоков, и другие мероприятия. Поначалу было весьма интересно побывать в кругу культурных и высокоинтеллектуальных, как мне тогда казалось, людей. Мне представлялось до этого, что писательский союз – это некий Олимп, а писатели – так это – боги. Разочарование не заставило себя долго

1961 год. Субботник на стройке телевизионной башни.
Слева Светлана Прянишникова

Сотрудники ВВНИИНефтехима – выпускники ЛГУ. Конец 1970-х годов. Сидят справа налево: А. Алцьбеева, Т. Жеско, Г.Н. Скрынникова, Т. Лестева, М.И. Дементьева; стоят слева направо: Осипов, Е. Прокофьев, А. Клионский, М. Устрайх, Д.В. Мушенко и др.

*Валерий Васильевич Новичков
Главный редактор журнала «Аврора»*

Белинский Анатолий Иванович

*Приём в «Морском наследии». Справа налево: Э.С. Слепак, В.В. Новичков,
А.М. Городницкий, Т.М. Лестева.
2010 год*

*Встреча на факультете журналистики Санкт-Петербургского университета.
Слева направо: В.Ф. Познин, Т.М. Лестева,
В.В. Новичков, Л.Л. Бубнова, Пирожков*

ждать. Атмосфера и особенно контингент в СП порой не просто поражали, а ошарашивали. Но всё было внове, интересно, а порой и познавательно. В это время я начала вести литературный дневник, публикуя его в на сайте проза.ру. Приведу несколько отрывков из него.

«Неделю назад в выставочном зале Московского района состоялись традиционные субботние литературные чтения. Тема встречи – "Православные поэты. Татьяна Егорова и Андрей Грунтовский". Как обычно, разложены на стендах книжки поэтов и альманахи. Пока я рассматривала последние выпуски, рядом со мной кто-то громко высморкался. Подняв глаза, встретилась взглядом со скромно одетой женщиной, ничем не примечательной наружности, которая сказала мне "извините".

Слушателей было мало, подождали ещё минут пять, и ведущий вечер Владимир Симаков представил поэтессу. Ею и оказалась та женщина, с которой мы вместе рассматривали книги. Посмотрев на неё пристальнее, отметила во внешности "особые приметы". Когда она говорила, у неё кривился рот, левая сторона губ как-то открывалась шире, чем правая. Похоже было, что она перенесла парез, после которого ещё не восстановилась. Или это была врождённая патология.

"Татьяна Егорова, член Союза писателей России", – как её представил В. Симаков, начала своё выступление. Достав из сумки икону и поставив её на угол стола, истово перекрестившись несколько раз, она пробормотала какую-то молитву. И, обращаясь к слушателям, менторским тоном произнесла, что любое дело нужно начинать с молитвы. Мне показалось, что дохнуло лицемерием, просто волна пробежала по залу. А Татьяна Егорова продолжала говорить о том, что в Союзе писателей России их считают православными поэтами, но она не согласна с этой формулировкой, но так уж сложилось, что и отражено в названии встречи. И полились стихи: "Икона", "Молитва", "Крестопклонная неделя".

Стихи о природе, жизни, любви были, нужно признать, приемлемыми, за исключением одного: все они заканчивались либо благодарностью в адрес Бога (расцвёл цветок – спасибо, Господи, пришла любовь – слава тебе, Господи, и т.д.). Даже красивый образ пушистой вербы был олицетворением благой вести, оптимистически прозвучало утверждение о том, что природа не знает греха и т.д. Я, конечно, несколько утрирую, но каждый раз, уже настроившись принять прослушанное как поэзию, я снова отвергала его на последних строках. Даже впечатлительные от сильного стихотворения на могиле матери было тотчас же смазано, как только прозвучали слова о встрече в загробном царстве. Я не купила ни один из нескольких сборников стихов этого автора, поэтому не могу привести какие-то наиболее характерные цитаты автора, а ограничиваюсь только изложением своего восприятия их на слух, подчеркнув при этом ещё и своё атеистическое мировоззрение.

Через некоторое время в дверь заглянул мужчина лет 35-40 с космами нечёсанных волос и гитарой, которого радостно приветствовала поэтесса, выразившая надежду, что он поможет ей. Это был православный бард Михаил Мурын. Он сообщил, что вскоре будет исполнять псалмы

В.С. Скворцов

В кабинете В.С. Скворцова

Фото Т. Манцеводы

*Встреча в редакции «Невского альманаха»
с Вячеславом Румянцевым –
главным редактором
исторического портала «Хронос»*

В. Скворцов и Т. Лестева

Фото А. Белянкина

После презентации журнала «Невский альманах».

Слева направо: В.Морозов, Г.Федорова, Т.Лестева, Финагентова

темы – встречи с Андреем Грунтовским. Его я недавно слушала на собрании одного из ЛИТО при СП России, и дубль номер два совсем не вдохновлял. Захотелось на свежий весенний воздух. 12 апреля 2008 года».

Или:

Великие крестьянские поэты современности

«Держу в руках книгу критических статей Т.П. Батуриной "Ратоборцы слова". Это сборник статей о самых различных авторах, наших современниках – прозаиках, поэтах. Вот только о критиках ничего нет. Да и существует ли само понятие критики, или оно погубило в наш рыночный век под тощей пачкой купюр различных цветов, далеко не всегда зелёных. Татьяну Петровну Батурину запомнила с первой встречи – на объединённом заседании секции поэтов и прозаиков она делилась своими впечатлениями от книг Алины Мальцевой, Екатерины Кульбуш, Олега Юркова. Тихим голосом, порой остроумно, довольно мягко, но с той мягкостью, от которой жёстко спать, она рассказала о творчестве этих трёх современников, отметив где-то недостаток гражданственности, а в исторических произведениях Юркова – монументализм. Отмеченные шедевры образности стиха – вроде «вздурлся у речки живот, паводок речка рождает» – вызвали закономерное оживление в зале. Прозвучал общий положительный вывод. Как мне показалось, поэты вздохнули с облегчением, а Юрков на обсуждении отсутствовал.

И вот "Ратоборцы слова". Полистала, читала. Получила огромное удовлетворение: сколько, оказывается, у нас талантливых

Давида, которые не смогли перевести профессора и учёные, а некто Игнатий Ивановский перевёл их на русский язык, и вот теперь он некоторые из них исполнит, а также некие музыкальные произведения на стихи Татьяны Егоровой. Она показала ему на икону. Перекрестившись, Михаил запел. Закатывая глаза к небу, красуясь перед многочисленной публикой, всем своим видом изображая благочинность, он запел. Было ли это пением? Голос от тремолойщий скорее напоминал некое бляение, но исполнитель наслаждался, весь вид его говорил о неземном блаженстве. Я с трудом вынесла эти "звуки музыки". Всё моё атеистическое и эстетическое "нутро" протестовало...

Где-то в середине её чтения из первого ряда встала женщина со словами: "Сегодня Благовещение, праздник, нужно делать

подарки всем". Она протянула объёмный пакет поэтессе. "Это вам от СЕКОНД ХЭНДА, куртка в подарок". Засмутившаяся поэтесса неуверенно возразила: "Зачем? Я не домой". А мне показалось это символичным – образ был найден. "СЕКОНД ХЭНД"! Кратко, точно и выразительно!

Буквально накануне или дня за два до этого в Концертном зале Мариинского театра на концерте Сергея Лейферкуса мне посчастливилось прослушать "Христос воскрес!" Сергея Рахманинова на слова Дмитрия Мережковского. Вот это музыка! Вот это слова! Вот это радость и вера в воскресение! Одним словом, это – искусство! Православное и трогающее душу даже атеиста. А здесь? Едва дождавшись перерыва, с облегчением вздохнув, вырвалась на свободу, не оставшись на вторую часть

писатели и поэтов, а некоторые – просто на грани гениальности. Поскольку незадолго до этого была на заседании ЛИТО "Припевье" под руководством Владимира Морозова, представлявшего гениальных крестьянских писателей, в числе которых Морозов назвал и Ивана Стремякова, то не могу пройти мимо статьи "Странности Ивана Стремякова". Статей оказалось две: "Странностям..." предшествовала работа "Мы здесь на земле не одни". Находясь под впечатлением встречи со Стремяковым в "Припевье", с интересом прочитываю обе статьи. Рецензии положительные, даже появляется "...смущённая душа поэта", "...душа импульсивная, порывистая, порой даже слабая, отважно устремившаяся к постижению вечных ценностей, всегда готовая как к печали, так и к радости и хорошей песне"... На дюжине страниц текста приведены многочисленные цитаты, дано их толкование. Как, однако же, восприятие читателя и критика не соотносятся друг с другом. Там, где критик в стихотворении "Дед и кастрюля" видит теплоту души, перенесённую дедом на кастрюлю (!!!):

*Варится каша к обеду,
Бродит (!!!) крупа не спеша.
Чудится нашему деду –
Есть у кастрюли ДУША (!!!).*

неподготовленный к духовно-кастрюльной образности этих строк читатель, увы! в лучшем случае видит лишь пародийную ситуацию и только. Правда, нужно отметить и вульгарно-идеалистический взгляд на жизнь у лирического героя этого шедевра. Оно живляет крупу, которая БРОДИТ по кастрюле, а самой кастрюле приписывает существование души.

Т.П. Батурина, рассчитывая на искушённого читателя при цитировании очередного шедевра автора, озабоченного судьбой России: ("Береги убогие домишки / тополя, рябину, огород, / ВЫПЕКАЙ ОЛАДЬИ И / КОВРИЖКИ, / а не то Россия пропадёт"), не удерживается от того, чтобы не отметить то, что МЫСЛЬ(?) выражена упрощённо. Почему же только одна мысль? Здесь просто соцветие мыслей вокруг образа России, которая пропадёт без коврижек и оладий. Недавно перечитывала «Деревню» Бунина. Ну, не встретились мне ни на одной странице ни оладьи, ни коврижки, даже в барской усадьбе подавали только картошки да самовар (именно картошки, Бунин всегда употребляет их во множественном числе). Но, возможно, в этом неприятном описании показан тот семимильный шаг, который сделала деревня за период советской власти от бунинских картошек до стремяковских оладий и коврижек. Ан нет, на следующих страницах поэт благодарит и репу, и картошку, и лебеду и даже МОЛОЧАИ! Да, потрясающее знание деревенского быта у крестьянского поэта. Если лебеда в голодные годы заменяла хлеб крестьянину, то вот про молочай слышу впервые. Скот им кормят, это точно, но чтобы человек питался молочаем! Или это тоже образ? А почему бы и нет: чай с молоком – молочай! Только дефис нужно поставить!

И вот, прощаясь с прошлым деревни и благодаря его, автор представляет новую жизнь села. И какой же? «Спасибо, старое, спасибо! Пусть будет новое – под стать!». Это под какую же статью? Под безлошадную

нищую, лапотную деревню?" Никому теперь не подражая, / не глуша свои колокола, / конная, иконная, льняная, / Русь моя, живи, как ты жила". Вот вам и национальная русская идея – назад в нищую, тёмную православную деревню царского времени. Слава богу, хоть не звучат призывы вернуть крепостное право! А что? Вписались бы в эту деревню. А для себя автор уготовил другую долю – внученька стала петербурженкой, с радостью отмечает он, а не бононогой Акулькой.

Нет, не убедили меня критические заметки Т.П. Батуриной, отметившей в заключение силу поэзии Стремякова в "странностях". Странности? Да, несомненно, а вот что до силы... Да, конечно, есть и сила. Например, разве назвать декабристов, пионеров, первыми подумавшими о вреде самодержавия, "клятвопреступниками" – это не демонстрация силы духа крестьянского поэта? Или всё-таки сила именно в проявлении монархических настроений, в любви к царю-батюшке?

А поэт, поблагодаривший руководство "Припевья" за то, что они выпустили его книгу, продолжал радовать слушателей своими шедеврами открытиями, например, десятилетия бакенщика, который ЗИМОИ(!!!) с коробкой спичек в кармане заиграл бакен. Зачем бакен зимой? Неужто навигация на кораблях с лыжами? Или, как говорят на Украине, бакенщик з глузду зъивав? Или с перепою перепутал времена года? Несомненно доходчиво до неискушённого читателя или слушателя прозвучали и слова благодарности власти: «Спасибо, власть, что в эти дали ты УПЕКЛА мою семью». Это что благодарность за то, что семья оказалась ни во саду, ни в огороде, а на лесоповале, поближе к природе?! Действительно, заслуживает благодарности!

Татьяне Петровне Батуриной было легче. Перед ней лежали изданные книги Ивана Стремякова, так что она могла вдумываться в каждую строчку, каждый символ. А мы вот воспринимали эти стихи на слух, да ещё ориентируясь на замечания автора. Порадовал его тот факт, что светлой памяти Заволокин не прошёл мимо его творений. Заметил, отметил! Пустячок, а всё-таки приятно. Поют! Поёт гармонь, и поёт она песни на стихи Ивана Стремякова! В эту минуту я внутренне порадовалась тому, что сам Иван Стремяков пока не поёт свои стихи и песни. Это я вряд ли смогла бы перенести.

Но вернёмся к творческому вечеру, о котором Владимир Морозов с гордостью и наполеоновской, как минимум, уверенностью произнесёт после выступления Стремякова: «ЗНАКОВЫЙ ВЕЧЕР!». Итак, воздав должное памяти Заволокина, Стремяков обращается к памяти крестьянского поэта Клюева, который был расстрелян в Томске, а перед этим нищенствовал, просил подаяние на паперти. Душа поэта протестует против такой судьбы. Ему бы "...в самом лучшем ресторане гулять до самого утра!". Вот таково у Стремякова видение и предназначения, и признания поэтического дара поэта – творца. Гулять в самом лучшем ресторане, а не в кабацкой Москве, как некогда Сергей Есенин. Ну, что тут скажешь? Может быть, Музе тоже требуется для вдохновения! Кто знает?

Но вечер продолжался, и, вспомнив о трагической судьбе писателя Вампилова,

утонувшего в Байкале, Стремяков, певец сибирской природы, и тут не пал лицом в грязь, а нашёл потрясающие до глубины души (во всяком случае, души Владимира Морозова) слова рекема: "Его ХРУСТАЛЬНЫЙ МАВЗОЛЕЙ(!!!) Байкалу(?) ДРУГ И БРАТ(!!!)". Да, воистину сила поэтического воображения и образности Ивана Стремякова безбрежна и столь же глубока, как и Байкал, где упокоился Вампилов, писатель русской земли. Надо считать, следуя Стремякову, за "благо", что утонул Вампилов в Байкале, а не в какой-нибудь мелкой речушке или уж, на худой конец, в Иртыше, где до него уже побывал Ермак с дружиной! "Да, поэты – удивительный народ!", как написал незабвенный пародист Александр Иванов. Как его не хватает современным поэтам, а главное – читателям!

Но открытия этого "знакового" вечера ещё продолжались. Гражданская муза Ивана Стремякова не оставила в стороне и военную тему, зазвучало стихотворение о солдатской гармонике, раненой вражеской пулей. Но русский дух непобедим! И далее *лафосные* строки: "И так, до самого Берлина дошёл(!!!), ПУСКАЯ ПЕТУХА!". Не знаю, чтобы узрела в этих строках строгий, но справедливый критик Татьяна Петровна Батурина, а мне кажется в данном стихе знаковым (применительно к поэту, естественно, а не его лирическому герою) слово "дошёл". Несомненно, до таких высот образов и метафор дойти нелегко, но Иван Стремяков ДОШЁЛ!

А "знаковый" вечер набирал силу. И вот уже Ивана Стремякова сменил Виктор Павлов, который рассказал о себе, что последние десять лет не издавался, но в ближайшее время выйдут его новые книги, с некоторыми стихами из которых он и ознакомит присутствующих. Владимир Морозов просит автора прочитать и его "знаковое" стихотворение – "Имена". Да уж, знаки поставлены, ничего не скажешь. Ассоциативно вспоминаю картину Ильи Глазунова "Русь", где на одном полотне представлены все выдающиеся люди российской истории в этом стихотворении звучат имена исторических деятелей и Ленина, и Сталина, но и себя автор не забывает, честно и откровенно, с гордостью, на фоне всяких там... "Я не русский, а РУССКОЯЗЫЧНЫЙ!", что-то там звучит о крови, в которой захлебнулась Россия, да и причина этого формулируется жестко и чётко: "Но в московском Кремле – иудеи!". А вот автора волнует один вопрос, какую же память он оставит сыночку. И решение находится единственно правильное: во храм, к Николаю чудотворцу!

Но звучали и не знаковые, но весьма колоритные стихи, например "Рио-Рита", исполнявшаяся на танцплощадках города Павловска. Здесь автора волнует вполне конкретные вопросы, адресованные "приблатнённой Павловской шпане", в частности, "...уломал ли местную ДЕВАХУ" удалий капитан второго ранга. Высокая поэзия! Не обойдена вниманием и природа Павловска с акварелями осени, двумя пересмешницами – ёлкой и сосной и весёленьким призывом "...гуляй же вволю, ДЕРЕВЕНЩИНА". Эта деревенщина, надо полагать – проявление народности со стороны русскоязычного пиита. А вот уж "расФРЕНЧЕНный клён", не расфранчённый, а именно "расфренчённый", то есть одетый в забытый современными кутюрье *френч*, так любимый

вождём всех времён и народов, трагует. Осенний клён, напоминающий о Сталине! А всё ли здесь в порядке с цветовой палитрой? Вроде бы Иосиф Виссарионович не слишком обожал "петушиные" осенние цвета: цвет френча обычно мышино-серый, а парадный – белый. Так что серый или белый клён осенью – это нужно уметь увидеть в листве золотисто-багряного клёна!

В следующем прочитанном стихотворении автор берёт на себя роль судьи, вопреки известной заповеди "не суди, да...". Он не судит! Он ПРОЩАЕТ! И кого же? "А я простил ДВАДЦАТЫЙ ВЕК!" Вот так-то, ничуть не меньше, целое столетие! Простить-то простил, но защищать его он не собирается, возмездие неизбежно: "Пускай ему ВЕРЁВКУ МЫЛИТ багряный век!" Вот так просто, но образно выносит приговор "русскоязычный" автор истории страны. Ну, и как большинство поэтов, не обходит он вниманием и признанных русских писателей, например в стихотворении "Памяти Шукшина" рядом с такими строками: "Помяни, вертопрах, жмяни свою грешную", звучит и вполне конкретное предложение "...сложить с утра в пакет галлюцинации ... за упокой всех святых, за тело брренное". Конечно, где уж тут рядовому читателю понять галлюциногенные образы пиита, сожалеющего о том, "...что в том лицейском классе не был прописан я". Как тут не позаиводовать Пушкину! Вот уж кому повезло, так это ему, что рядом с ним был Иван Пущин, а отнюдь не Виктор Павлов, на мой взгляд, естественно.

Но это взгляд читателя, неподготовленного для оценки столь высокой поэзии, а вот руководитель "Приневья" Владимир Морозов произнёс, что "Виктор Павлов – это ОТКРЫТИЕ", не меньше. Честь и приоритет этого "открытия", надо полагать, принадлежит ему! Вот только патент на открытие Морозов пока не предложил взять, но, будем надеяться, – всё ещё впереди!

А на подиум уже поднимался третий крестьянский поэт из плеяды "великих" по определению Владимира Морозова – Анатолий Белов. Морозов представил и его книгу, изданную по решению редакционной коллегии и за счёт средств "Приневья". Первое, на что я обратила внимание, – это на скромность поэта, заявившего, что "книга родилась независимо от меня". Я вздрогнула, ожидая услышать рассказ о каких-то сверхъестественных силах, водивших рукой поэта. Но всё, к счастью, оказалось значительно проще: "После издания «Пятирицы» оказались бесхозными (!), – молвил поэт, – несколько десятков баллад". Чуть помедлив, он продолжил: "Баллады – это такие длинные стихи. А Владимир Ильич (Морозов) лелеял тайную мечту издать их". Вот и сбылась мечта Морозова: издал он очередную брошюрку стихов Анатолия Белова, в то время как последний "среди незабудок в густотравном ионе / читал роман «Накануне!»". Ну, что ж, чтение весьма своевременное накануне выхода в свет очередной книжки. Правда, не всё так безоблачно было в этом пасторальном пейзаже: "...густая котомка в моём изголовье, / ко мне приближается стадо коровье". Да ещё бык "...идёт он один на один с комарами!, кажется, не испугался: всё-таки комар – это ещё не пикадор. И такая летняя благодать, что у лирического героя! светлеет душа и ... ТОСКУЕТ ЖЕЛУДОК(!)".

«Невский альманах» на Книжных аллеях. Я читаю свои стихи.

Фото А. Белянкин

Тема тоскующего желудка не покидает поэта с детства, когда в Дибунах он колет дрова у дома сестры, с грустью отмечая: "...я никому особенно не нужен. / (И вдруг удивлённо, но радостно. – Т.Л.) Моя сестра зовёт меня на ужин!" Нет, всё-таки хоть и тяжёлое детство было в ПТУ, как отметил поэт (для биографов его уточним, что в то время ПТУ пока ещё не было, а были только ФЗУ. Впрочем, какая разница, всё равно жизнь в городе в отрыве от родного крестьянского труда). Правда, позже уже городским жителем он вернётся: "Суетливую жизнь городскую на неделю в свой дом принесём" в "невесёлое бабье веселье" с грубоватою их красотой. А в деревне-то какие события! Запоминается яркое описание охоты по "птице невысокого полёта": "Одичавший в городе детина / блажь свою по птице разрядит".

И мне вспомнился рассказ художника Константина Коровина "Утёнок", в котором он вспоминает, как М.П. Садовский описал сцену охоты, доставая в камышах убитую утку: "Вдруг вижу из осоки ко мне на травку выглядывает большой утёнок, кряктовый. Её утёнок. И, увидав меня, прямо ко мне идёт. Я притаился – прямо не дышу. А утка убитая лежит около меня – прямо около. Он подошёл ко мне вплотную и сел около меня, около матери своей – утки-то убитой, сел и на меня глядит. Я тоже гляжу на него, и вдруг мне сделалось, понимаешь ли, так жалко его, так противно и подло. Что я наделал? Убил его мать. А она так хотела вести собаку, спасая детей, я так ревел, когда этот дикий утёнок глядел на меня, и глазёнки у него были жалкие, печальные!"

Нет, конечно, это проза русского художника-импрессиониста не идёт ни в какое сравнение с "поэзией великого крестьянского поэта". Тем паче, что он продолжал рассказ, уже ссылаясь на авторитеты сегодняшнего дня русской поэзии: Сама "Ирэна Сергеева УХВАТИЛАСЬ за «Озёрный дол», в котором и «...отъездный день ставит вино на стол», «ястреба плавный крест над головой висит!». А главное, автор признаёт невозвратимость времени: "Пусть ПОВЕШАЛА плоть (!!), сядем-ка в затишок".

Не останавливаясь на историческом пласте творчества, не могу не отметить, что с годами лирический герой Анатолия Белова отмечает: "Всё чаще налетаешь на людей, совсем не совершающих ошибок". Да, это, конечно, проблема, заслуживающая глубоких раздумий и не удивительно поэтому, что всё чаще "...лежит он ПЕРВОЗДАННО УДИВЛЁННЫМ". Да и есть чему удивляться! "Он ест не в СЫТЬ (Какой язык! – Т.Л.) и пьёт не власть", в то время как из "озвученного" им текста следует, что у деревенской в прошлом девушки "милёнок мой на иномарке", а ей "и бедность не беда. Была я маменькина дочка, теперь я ДЕВКА (разительный контраст. – Т.Л.) ХОТЬ КУДА".

В это же время автор вдруг начинает разговор об извечных философских проблемах: "Век течёт, течёт и вытечет, всё оставит на песке", и ничего-то не останется лирическому герою, кроме того, "...чтоб всю жизнь о человечности, свесив голову, МОЛЧАТЬ(!!!)". Но нет, не молчит лирический герой, в цикле городских стихов его голос зазвучит набатом: "наверное, не тема для стихов – ПЕРЕМЕЩЕНИЕ СКВОЗНЯКОВ". Да уж, следующая тема, куда важнее. Но просто философские раздумья о жизни, но какого уровня! "Что ты смотришь букой, потирая плешь? / Жизнь – такая ШТУКА! Без зубов не съешь!" Как тут не согласиться с автором, тем паче, в свете грядущих событий: "Колобком катайся, / новой вести РАД (???) / будут здесь китайцы / строить чудо-град". Конечно, радостная весть! Это вам не убогие домишки, которые призывает сохранить Иван Стремляков, это многоэтажный чудо-город из стекла и бетона. Недаром радуется крестьянский поэт, будет на что "ПОГЛАЗЕТЬ... издали". Это не тот микрорайон в котором он живёт, в котором "... дождю вдогон промчался ветер РАЗЪЯРЁННЫЙ, чтобы ПРОДУТЬ микрорайон". Хорошо ещё, что ветер мчится только продуть, очистить, а не надуть микрорайон. Хотя в наш рыночный век НАДУТЬ прозвучало бы более современно, как мне кажется.

Но всё-таки город велик, и величие его в том, что даже Сергею Есенину, первому крестьянскому поэту русской земли! ..язык

державных ОБОЩЕНИЙ здесь раскрыты перед ним», здесь, а не в его селе Константиново, не на Рязанщине, а именно в Петербурге.

Всё хорошее рано или поздно заканчивается. Пошёл к финалу и этот вечер. Но как эффектно и колоритно красочно закончил своё выступление Анатоли Белов! Он не только громкогласно объявил о своей сущности: "Я – придорожный КАМЕНЬ-ЛЕЖАК", но и поделился мечтой. Какой же поэт без полёта мечты? Он мечтает, "...чтобы приветы крикнув луне, / МАЛОЙ ПЛАНЕТОЙ сделаться мне". Мечты, мечты, где ваша сладость? Малой планетой, – это конечно, неплохо, но избитый образ, штамп! А вот ПРИДОРЖНЫЙ КАМЕНЬ-ЛЕЖАК – это ново, свежо, достойно, и главное, вполне *соответствует* и стихам, и автору лирического героя крестьянского поэта.

Выходя из каминного зала, stalkиваясь с "золотым медалистом, умницей и энциклопедистом" (из интернетовской его характеристики Ахматовым) – критиком Г. Муриковским. "Как вам великие крестьянские поэты?" Он, похоже, ошарашен услышанным: "Печально!" – слышу односложный ответ. Но, может быть, в отличие от Владимира Ильича Морозова мы ещё не доросли до понимания величия этих творений! А бумага-то, как говорится в народе, всё терпит.

Через несколько дней на очередных литературных чтениях на Московском проспекте одна из руководителей "Принева" – интеллектуальная, тонкая, образная поэтесса Мария Амфилохиева знакомит слушателей с новыми книгами Стремякова и Белова, рекомендует их купить. Но как-то без эмоций и, как мне показалось, не слишком искренне. Да и вряд ли могло быть иначе.

* * *

Перечитала и вновь пережила события того литературного вечера, который вызвал вот этот всплеск желчи. Но ведь действительно, печально. Неужели гибнет не только русская деревня, но и поэзия деревни, так называемая крестьянская поэзия. И захотелось обернуться назад.

1905 год. Николай Клюев: «Есть на свете край обширный, / где растёт сосна и ель, / Неисследный и пустынный – / Русской скорби колыбель...»:

1914 год. Сергей Есенин: «Гой ты, Русь моя родная, / Хаты – в ризах образа... / Не видать конца и края / Только синь сосёт глаза».

1923 год. Сергей Клычков: «Люблю тебя, я сумрак предосенний, / закаты вечеров торжественный разлив, / Играет ветерок и тих, и сиротлив/ Листою прибрежных ив...»

Николай Рубцов: «С каждой избою и тучею, / С громом, готовым умереть, / Чувствую самую глгучую, / Самую смертную связь».

Герман Венедиктов России (из цикла «Родина»): «Как дети твои и как стражи, / одно на земле возлюбя, / мы все в эту землю поляжем, / но мы не оставим тебя. / Не бросим – когда бы и где бы, / покоя и сытости для, твоё бесконечное небо / и крик твоего журавля».

Юрий Шестаков: «От колодцев родных / никуда я давно не уехал: / тех глотков ледяных / бьётся в сердце горячее эхо».

Владимир Скворцов «Мне в России Руси не хватаем»: «Не хватает черёмухи русской / И заботливых маминых рук, / Возле печки побеленной, русской / Задушевной беседы старух...»

Нет, не перевелись на Руси поэты: были, есть и будут. Крестьянские ли, городские ли? Главное, что русские, беззаветно любящие свою Родину. Не знаю, как оценил бы их Владимир Морозов, кстати, пишущий иногда неплохие стихи, отметил бы он их величие, или сердце своё окончательно и бесповоротно отдал только «крестьянской» тройке, но после вот этих стихотворений исчезла желчь, и забылся мерзкий привкус от этого вечера, который не могу назвать иначе, как профанацией поэзии под сомнительным флагом крестьянской поэзии. (© Copyright: Татьяна Лестева, 2008) Листаю «Дневник» дальше.

Православие не погибнет

«Вчера вечером посмотрела, как Алексий благословлял г-на Медведева на царствование. Причём не одного, – супруга стояла рядом, прикрывшись то ли фатой, то ли чадрой (до паранджи пока не дошли!). Так что царственная чета вступила на престол с благословения божьего, ежели Алексий его представитель на нашей грешной земле! Он с такой прямо-таки отцовской нежностью смотрел на президента масляными глазами, в которых светилась надежда. Медведев сердечно благодарил его, пройдясь по драматическим годам советской власти. Жалею, что не дописала дословно, но не приветствовал он историю нашей Родины, увы, а затем сказал, что отношения с церковью не только останутся на прежнем уровне, но и будут *укрепляться!* Так что наши радужные перспективы: идём от светского государства к религиозному. Наверное, введут изменения в Конституцию. Убрали национальность, теперь уберём и отделение церкви от государства. Дума, думаю, поддержит. ВПЕРЁД, СЕМИМИЛЬНЫМИ ШАГАМИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ!

Уточнила: на форуме tatmiles.forum24.ru Сергей Морозов процитировал президента Медведева, который сказал Алексию, что 70 лет жизни страны в прошлом веке были ОШИБКОЙ! Неплохое начало! А правление Ельцина, надо полагать, было благом для страны! (© Copyright: Татьяна Лестева, 2008)»

Как давно это было. И как недавно. А 12 лет спустя, уже в новую Конституцию России, Господь Бог вошёл собственной персоной. Как наивно с моей стороны было удивляться тому, что современные писатели, срочно выбросив ив на всякий случай спрятав подальше партбилеты, вывели всем на обозрение *нательные* кресты, а на некоторых секциях председатели входят, ставят на стол икону, свечку, крестьян присутствующих и только после этого приступают к литературному действию. Вот ещё одна страничка из дневника.

Критики учебника по литературе

«Посетила секцию критики в СПР. Её ведёт Ионин Герман Николаевич, профессор из Пединститута им. Герцена. Во-первых, обсуждали новый учебник по литературе под его редакцией, один из основных авторов Акимов. Много интересного. Осо-

бенно потряс при обсуждении А.Ю. Козлов, сибиряк, инженер экономист в строительстве, преподавал в вузе строительные специальности, а ныне, с позволения сказать, литературовед. На одной из предыдущих секций обсуждалась его книга, выпущенная с благословения Игумены Таисии, с претенциозным названием что-то вроде 10 веков русской литературы. Сплошной дилетантизм, но основная идея, что все более или менее известные писатели – православники. Набор цитат; если есть слова "слава богу", значит православный писатель... И всё в таком духе. Вчера же он превзошёл себя. Негодуя, что в учебнике есть статья о Михаиле Булгакове, да ещё с разбором "Мастера и Маргариты" он произносит: как можно включать этот, чуть ли не сатанинский роман (точную формулировку не помню), в учебник! Там же *сознательно* искажается Библия!!! Ученик прочитает и подумает, что это библейский текст. Какой ужас!

Я, естественно говорю, что авторы составили учебник по литературе, а не комментарии к библейским текстам. Или с точки зрения "козловых" нужно было составителям писать в две колонки. Вот этот "сатанинский" писатель так выдумал, а на самом деле в Библии всё не так... К сожалению, таких вот писателей – от кирпича – в СПР становится всё больше. Целомом пытаются залить мозги подрастающему поколению и учителям. Ну, а с другой стороны прозвучали упреки, что мало места выделено Твардовскому – 4 с., а Бродскому – 10 с., мало отражена проза деревенщиков, ни слова нет о поэмах Маяковского ("Ленин", "Хорошо" и т.п.), а только "Про это" и т.д. Но всё остальное было в пределах нормальной критики, а уж предложение вычеркнуть Булгакова из литературы XX века! Куда уж дальше!

Да, в СПР становится опасно. Когда я выступала, Козлов А.Ю. с места кричит: "Замолчите! Вы ДАЖЕ не член Союза писателей!". Я ему в ответ говорю: "Это Вы замолчите!". Он снова кричит: "Орлов всем запретил давать здесь вам слово". Вот так-то. Сиди, раз пришла, молчи и слушай козловых.

Подходит после секции ко мне Зоя Степановна Бобкова и спрашивает: "А что, Козлов правду сказал, что Орлов запретил Вам здесь выступать?". Я ей говорю, что мне он этого не говорил, а козловым, возможно, и давал какие-нибудь указы". Весело в СПР! (...) (© Copyright: Татьяна Лестева, 2012)».

Да, перед этим состоялся «великий исход» из СПР ряда его членов, в частности В.С. Скворцова, и особенно молодых, принятых по итогам конференций: А. Демьяненко, О. Туркиной, К. Грозной и др. Их с простёртыми объятиями приняли в Союз писателей Санкт-Петербурга – это второй фрагмент Союза писателей СССР, образовавшийся после распада Советского Союза. Меня в Союз писателей России приняли в 2015 году по решению Совета секретарей СПР, вопреки всем стараниям и ухищрениям Б. Орлова. Но вернусь к страницам дневника. Не всё было так грустно и серо. В Доме писателей по инициативе В.С. Скворцова открылся клуб юмористов.

Клуб юмористов. 05.08.2010

«В Санкт-Петербургском филиале СПР открылся клуб юмористов. Ура! Наконец-то, живая струя юмора оживит воздух, и может быть, рассеет традиционный запах тления и ладана, заполняющий преимущественно секцию поэзии, но и не полностью исчезающий на секциях прозы и критики. Первое заседание оставило хорошее впечатление: вели его поэт Александр Ковалёв, известный своими пародиями, и инициатор создания клуба – поэт и главный редактор "Невского альманаха" Владимир Сковрцов. Николай Михин почтал стихи из книги "Парадоксы овна", как юмористические, так и сатирические и т.д. Рождение клуба состоялось на Пушкинской, 9, а родившись, он обрёл права гражданства и получил самую большую аудиторию в Доме писателя на Звенигородской, д. 22. Теперь каждый первый вторник месяца – милости просим: приходите покоморить. Здесь же вне плана отметили и юбилей М.А. Зощенко. А что до плановых встреч, то и тридцатипятиградусная жара не помешала. В зной так приятно освежиться глотком хорошего юмора.

Правда, добавим каплю дёгтя в бочку мёда, клуб как-то незаметно под воздействием стен жёлтого Дома писателей стал превращаться в некое подобие Центрального лектория типа партполитпросвета по вопросам юмора или, как ныне модно стало говорить, мастер-класса. Школа юмора! Возможно ли это вообще? Думается, что чувство юмора – это врождённый дар: либо оно есть, либо его нет. Тут уж горю не поможешь, а тем паче, чувство юмора у пишущей публики. И вряд ли помогут из заседания в заседание повторяемые сентенции (типа лекций) председателя СПб-шного отделения СПР Бориса Орлова о том, что юмор глубоко социален и для каждого слоя свой. Юморески, от которых заходятся до колик моряки и матросы, будут непонятны не только чужке, но даже и простому человеку, не отличающему шпангоут от кильватера. А что до юмора "ниже пояса", доступного всем, даже грудным младенцам, и активно насаждаемого прозападными средствами массовой информации, то этот "юмор" разлагает, вопреки своей задаче – воспитывать! Не обошёл вниманием Б.А. и критиков. Он дал такое определение: критик – это тот, кто всю жизнь хотел стать писателем, но не умеет писать ни прозы, ни стихов. Поэтому и пишет о других, вырвав одну – две строчки из контекста.

Жарким летом 2010 г. Александр Ковалёв путешествовал по стране, в этот день у него была встреча в Челябинске, далеко вато от Петербурга. Стол президиума возглавлял президент клуба поэт Владимир Степанович Сковрцов, рядом с ним восседали главный юморист – прозаик Игорь Александрович Данилов-Ивушкин и непремный ментор, начиная со второй встречи, – Борис Орлов.

Данилов-Ивушкин поделился с присутствующими своим творческим методом: работая в одном НИИ на Васильевском острове, где рабочий день начинался в 8-00, он всегда приходил на работу к 7 часам, и ровно час перед началом рабочего дня ходил по скверу перед институтом, обдумывая тему нового юмористического или сатирического рассказа, например "Разбавленная сметана". За час решение, как правило, приходило, оставалось его только записать, и, полностью удовлетворённый, он приступал к

повседневной инженерной работе. Небезынтересный для литературных историков материал, конечно. Но сам метод вряд ли может быть всеобъемлющим: Агата Кристи сочиняла свои детективы, занимаясь нелюбимым делом – мытьём посуды. А будь у неё современная посудомоечная машина, стала бы она известным писателем? Я, например, пишу стихи в автобусе, особенно, когда он стоит в пробках. Но это только в том случае, если случайно забыла дома книгу или журнал. Так что у каждой музы свои пристрастия. Какой музы? Аполлон почему-то не выделил для сатиры и юмора одной персональной музы? Всё есть: Талия – муза комедии, Евтерпа – муза лирической поэзии или Каллиопа – муза эпической поэзии, Эрато – муза любовной поэзии. Но какая-то муза всё-таки приходит к потенциальному юмористу! Хотя и весьма своенравная дама: приходит тогда, когда захочет, и туда, куда захочет. Кстати, а не создать ли музу сатиры и юмора? А в её честь назовём клуб юмористов: "Десятая муза", тем паче, что и клуб, и она родились в 2010 году. Надо предложить президенту.

Триумвират, восседавший в президиуме, продолжал вещать. Досталось пародистам: не те стали они, начиная с Александра Иванова. (Ах, Александр Иванов! мне не забыть твои острые искромётные пародии!) Ан нет, Борис Орлов низверг тебя с пьедестала. И президиум согласился с ним, поскольку в пародии должна обыгрываться не одна строчка, а должен быть сохранён стиль и передан "дух" стихотворения. (Ох, уж этот дух! Без него никак нельзя обойтись под крышей "жёлтого дома".)

Следует, ради объективности, сказать, что триумвират весьма доброжелательно судил представленные выступавшими авторами поуги на юмор. Благожелательно. Особенно высокую оценку получила мать семейства, прочитавшая высказывания своих дочек детсадовского возраста, записанные ею и продемонстрировавшие полную безграмотность автора вроде: склонившая ива и т.п. Наив приветствовался. Б. Орлов даже сказал, что потом можно издать книжечку, очень уж нравился ему Корней Чуковский с его "От двух до пяти".

Возник спор относительно жанра юмористических сочинений Ф. Лукицкого "Говорят, что...". Данилов-Ивушкин спросил, понимает ли автор, что это "можно опубликовать (раньше была 16-я страница в "Лит. газете)", но что это не стихи". С места кто-то предложил название новому жанру: "Говорушки".

Когда до меня дошла очередь, а на сей раз я забыла на работе распечатку рассказика "Скандалист", я вспомнила пару частушек, опубликованных в газете кроссвордов "777": нужно было сначала разгадать кроссворд, а на два слова ответа написать частушку. Вот, например, ответ: вагон и козёл.

Депутатов нам не счесть.

Козы и козлы там есть.

Посадить бы их в вагон

И – на дальний перегон.

Или ответ: рыло и очки.

Я милёнку говорила:

"В думу?! Ну, с твоим ли рылом!"

А очки наденет, гад...

Настоящий депутат!

Не знаю, как частушки, а вот гонорар присутствующих впечатлил: за каждую опубликованную частушку (четыре строчки всего!) победитель получал почтовый перевод на 777 рублей. Это был мой первый гонорар.

Пока слушала решения суда по выступавшим, муза шепнула мне экспромт, коротым и закончила выступление.

*За столом у юмористов
Ивушкин, Сковрцов, Орлов...*

Многословны и речисты

Президенты – юмористы.

Слушаю, вздыхаю горько:

"Суд идёт!... ОСОБОЙ ТРОЙКИ!"

Порадовало, что в зале засмеялись. В конце вечера некий выступавший автор представлялся членом одного из многочисленных писательских союзов. На подобную крамолу тотчас же гневноотреагировал Борис Орлов: "В России есть только два профессиональных союза: наш и Санкт-Петербурга. Остальное – рога и копыта!". Ох, уж эта муза, снова шепчет мне на ухо экспромт:

Всего в России два союза!

Вот это профы – будь здоров!

Доходо не принисит муза,

А только... целый лес рогов!

Президиум безмолвствует. Клуб закрывается. Президент В.С. Сковрцов приглашает присутствующих на следующее заседание 7 сентября и просит приводить побольше молодёжи. В кулуарах Данилов-Ивушкин спрашивает, действительно ли я написала этот катрен во время заседания клуба. "Да, – подтверждаю я, – муза что-то расслабилась".

ЗЫ! (это PS – постскрипtum на русской клавиатуре). Это не те рога, о которых ты подумал, мой искушённый читатель. Это сорок "Рогов Борея" при СПР, а на подходе уже сорок первый! Если и не лес, то для роши уже достаточно! (© Copyright: Татьяна Лестева, 2010).

Клуб юмористов живёт и здравствует, правда, уже не в Доме писателей, а в редакции «Невского альманаха». Идея овладела массами, в разных городах Поволжья проводятся фестивали юмора, где с пиететом встречают А.Н. Ковалёва, В.С. Сковрцова и птенцов его клуба юмористов. Перечитала весь дневник, многие события восстановились в памяти, скачала его из архива себе в компьютер. Может быть, ещё вернусь к тем или иным событиям или встречам... Память избирательна, а «слово воскресшее – не убьёшь», как утверждал Максим Горький.

Санкт-Петербург Ноябрь 2020 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

Большого друга и автора журнала НЕВСКИЙ АЛЬМАНАХ – Татьяну Михайловну Лестеву – сердечно поздравляем с юбилеем! Мы помним и ценим вклад, который внесла Татьяна Михайловна в развитие нашего издания! Мы глубоко осознаём, что вместе мы – творческая созидательная сила!

Желаем здоровья и удач талантливому литератору и публицисту, Главному редактору журнала «НА РУССКИХ ПРОСТОРАХ» Татьяне Михайловне Лестевой!

*Коллектив редакции
и десятки авторов
журнала НЕВСКИЙ АЛЬМАНАХ*